

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/23451734/3/9

СЛАВЯНСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ РУССКОМУ *ЧУЯТЬ*: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

И.В. Садыкова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: pansadyk@rambler.ru

Авторское резюме

В статье рассматриваются особенности семантического развития славянских соответствий русскому глаголу *чуять*. Анализ проводится в рамках сравнительно-исторического метода на материале лексикографических источников. В ходе исследования было выявлено, что все обнаруженные в славянских языках соответствия являются обозначениями чувственного восприятия мира человеком (чаще всего) или животным (в меньшей степени). Однако если в восточно- и западнославянских языках рассматриваемые глаголы именуют как общую перцепцию («чувствовать, ощущать»), так и какую-либо конкретную (слуховую, обонятельную, вкусовую, тактильную), то южнославянские лексемы служат наименованиями только конкретной слуховой перцепции. В литературных славянских языках у анализируемых слов не фиксируется значение, характеризующее зрительное восприятие. На основе перцептивной семантики во всех славянских языках, в которых есть соответствия рус. *чуять* (как и у русского глагола), сформировались или формируются переносные значения. Они связаны либо с именованием рационального осмысления прочувствованного ранее (как в русском языке, отчасти в болгарском и сербо-хорватском); либо с обозначением шестого чувства – интуиции (как в русском и чешском языках, отчасти в украинском и белорусском); либо с названием состояния человека, физического или эмоционального (во многих славянских языках).

Ключевые слова: славянские языки, лексические соответствия, историческая лексикология.

THE SLAVIC EQUIVALENTS OF THE RUSSIAN *CHUJAT'* (ЧУЯТЬ): TO THE SEMANTIC EVOLUTION

I.V. Sadykova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: pansadyk@rambler.ru

Abstract

The article discusses the features of Slavic semantic correspondences to the Russian verb *chujat'* (чуять). The analysis is conducted within the framework of comparative-historical method in the material lexicographical sources. The study found that all detected in the Slavic language of the designations are the sensory perception of the world by people (most often) or animals (to a lesser extent). However, if the Eastern and Western Slavonic languages viewed verbs refer to as common perception ("to feel"), and any specific (auditory, olfactory, gustatory, tactile), the South Slavic token names only serve the specific auditory perception. In literary Slavic languages at the analyzed words is not fixed meaning representative of visual perception. On the basis of perceptual semantics in all Slavic languages, where there are correspondences to Russian *chujat'* (like the Russian verb), formed or are formed figurative meanings. They are connected with the name of a rational comprehension heartfelt earlier (in Russian, partly in the Bulgarian and Serbo-Croatian); or designation of the sixth sense – intuition (in Russian and Czech, partly in Ukrainian and Belarusian); or the name of the human condition, physical or emotional (in many Slavic languages).

Keywords: Slavic languages, lexical correspondences, historical lexicology.

В центре внимания настоящего исследования находятся особенности семантического развития славянских соответствий русскому глаголу *чуять*. Материалом исследования послужили данные толковых словарей, двуязычных словарей славянских языков и этимологических словарей.

Русский глагол *чуять* относится к древнейшему пласту лексики (он фиксируется в памятниках, начиная с XI в.), входит в группу слов с перцептивной семантикой. В древнерусском языке, имея форму инфинитива *чути*, данный глагол употреблялся в одном из четырех значений: 1) чувствовать, ощущать; 2) слышать; 3) знать; 4) сознавать (Срезневский 2003: 1552–1553). При этом анализируемый глагол

сочетал в своем значении чувственную (общую и конкретную слуховую) и рациональную семантику и использовался для характеристики деятельности человека. Исторически развиваясь, глагол *чуять* стал употребляться не только по отношению к человеку, но и по отношению к животному. На протяжении всей истории функционирования в русском языке данный глагол являлся обозначением общей перцепции, а вот конкретные перцепции, которые именовались с его помощью, могли быть разными: в XVIII в. – слуховая, тактильная, обонятельная (САР 1794–1798: 836–837), в XIX в. к ним добавилась осязательная (Даль 1998: 1381–1382), в XX в. преимущественно обонятельная и слуховая (Ушаков 1940: 1309–1310, Словарь современного русского литературного языка 1965: 1220–1222, Словарь русского языка 1984: 695–696), в XXI в. – обонятельная (Кузнецов 2000: 1487). В диалектах русского языка рассматриваемый глагол может также называть зрительное и слуховое восприятие (Словарь русских говоров Карелии 2005: 810, Словарь русских говоров Сибири 2006: 314).

Таким образом, в современном русском литературном языке данный глагол употребляется для обозначения как общей перцепции («ощущать, чувствовать»), так и конкретной обонятельной перцепции («распознавать чутьем (о животных)», «ощущать запах, обонять (о человеке)») (Кузнецов 2000: 1487). Кроме того, с середины XIX в. у глагола *чуять* формируется новое переносное значение, связанное с именованьем так называемого шестого чувства – интуиции, в настоящее время оно формулируется как «интуитивно чувствовать, предполагать» (Кузнецов 2000: 1487).

Следует отметить, что в структуре семантики глагола *чуять* всегда присутствовало (прямо или опосредованно) значение, относящееся к рациональному осмыслению воспринятой с помощью чувств информации. На современном этапе развития оно определяется как «понимать, осознать» и является оттенком значения «интуитивно чувствовать, предполагать» (Кузнецов 2000: 1487).

Глагол *чуять* имеет соответствия во всех современных славянских языках, которые в качестве основной имеют перцептивную (обобщенную или конкретную) семантику. В то же время почти в каждом славянском языке у соответствующего глагола есть свои семантические особенности, связанные как с базовой чувственной семантикой, так и с формированием на ее основе переносных значений. Рассмотрим материалы славянских языков.

В современных украинском и белорусском языках (ближайших для русского языка родственных языках) отмечаются следующие лексемы: укр. *чути* «1) слышать; 2) (воспринимать другими органами чувств или интуицией) чувствовать, разг. чують; слышать; книжн. обонять» (Украинско-русский словарь 1971: 1031); блр. *чуць* «1) в разн. знач. слышать; 2) (ощущать) слышать, чують (в том числе запах); 3) (сознавать) чують, чувствовать (бяду); 4) слышать, замечать» (Белорусско-русский словарь 1962: 1016). Судя по приведенным сведениям из лексикографических источников, данные глаголы в украинском и белорусском языках в первую очередь используются для обозначения конкретной слуховой перцепции, также они могут называть способность ощущать запахи, а в украинском еще и вкусовые ощущения (*чути чим* «(о привкусе) отдает чем»). Вместе с тем у данных слов имеется значение, именующее общую способность воспринимать действительность с помощью различных органов чувств («чувствовать»), внутри этого значения имплицитно представлено переносное значение, связанное с интуицией (шестым чувством), предчувствием. Например, в белорусском словаре отмечаются сочетания *чуць бяду* «чують беду», *чуць сэрцам* «чувствовать сердцем» (Белорусско-русский словарь 1962: 1016), а в украинском – *чути серцем* «сердцем чують» (Украинско-русский словарь 1971: 1031): в обоих случаях предполагается интуитивное предчувствие некой ситуации, чаще неприятной.

У белорусского глагола *чуць* отмечается значение «замечать», которое может быть вне контекста воспринято как обозначение зрительной перцепции. Однако пример употребления – *я не чуў, як укалоў руку* «я не заметил (не слышал), как уколол руку» – говорит о том, что здесь нет именованного прямого зрительного восприятия, скорее речь идет об обозначении общей работы всех органов чувств, как реакции на внешнее воздействие (укол). Образую словосочетание с существительным *дух*, блр. *чуць* служит обозначением эмоционального состояния человека, а не какой-либо его перцепции – *чуць дух* «чувствовать чью-либо строгость, бояться кого-либо» (Белорусско-русский словарь 1962: 1016). Следует также отметить, что во всех трех восточнославянских языках соответствующие глаголы входят в состав устойчивого словосочетания: рус. *ног под собой не чують*, укр. *ніг під собою не чути*, блр. *не чуць ног пад сабою*. С помощью этого фразеологизма именуется или большая степень усталости после тяжелой работы или после долгой ходьбы, бега, или восторженное

состояние, радость, приподнятое настроение, т. е. не перцепция, а состояние (физическое или эмоциональное).

Укр. *чути* и блр. *чуць* употребляются по большей части для выражения реакций органов чувств человеческого организма, реже животного (ср. блр. *сабака чуе дзічыну* «собака чует дичь» – здесь глагол называет способность животного чувствовать запах).

Семантическое наполнение украинской и белорусской лексем отчасти совпадает с современной семантикой русского глагола, что можно объяснить общностью происхождения восточнославянских языков и достаточно длительной общей историей. Однако в современных украинском и белорусском языках не отмечается в эксплицитной форме значения, связанного с рациональным осмыслением тех сведений, которые получены в результате чувственного восприятия. Этим их семантическая структура отличается от семантической структуры русского глагола.

Таким образом, в восточнославянских языках у соответствующих лексем, во-первых, в качестве основной представлена перцептивная семантика, в которой сочетается обозначение общего и конкретного восприятия (в современном русском языке – это преимущественно обоняние, реже слух, в украинском и белорусском – преимущественно слух, реже обоняние, в украинском еще может быть вкус). Во-вторых, в русском языке явно, а в украинском и белорусском языках скрыто (так как нет точной его формулировки, есть словосочетания, где можно вычленишь) сформировалось значение, связанное с обозначением шестого чувства – интуиции. В-третьих, у русского глагола *чуять* перцептивная семантика тесно взаимосвязана с рациональной, что зафиксировано в словарях, тогда как у укр. *чути* и блр. *чуць* такой связи в явном виде не прослеживается. В-четвертых, в украинском и белорусском языках обнаруживается тенденция развития перцептивной семантики в сторону обозначения эмоций, которые испытывает человек, или состояния человека (физического или эмоционального).

В современных западнославянских языках фиксируются следующие соответствия русскому глаголу *чуять*: польск. *czuć* «1) чувствовать, ощущать; 2) пахнуть» (Новый польско-русский словарь 2004: 54); н.-луж. *cuś* «ощущать; щупать; замечать, чувствовать; чуять» (Мука 1921: 138–139); в.-луж. *čuć, čuwać* «чувствовать; чуять, нюхать; пробовать на вкус»; чеш. *čítí* «чувствовать (запах), ощущать, слышать, чуять (о животных); предчувствовать» (Копецкий 1976:

101), ср. более ранняя старочешская форма *čuti* «чувствовать, чутъ» и диалектные варианты чешского слова *čouti*, *čut* «слышать», чеш. диал. *čut* «чувствовать; предчувствовать» (ЭССЯ 1977: 135); слвц. *čut* «слышать; (чувствовать)» (Словацко-русский словарь 1965: 42). Имелись параллели и в вымерших западнославянских языках: полаб. *caja* <**čujō* (1-е л. ед. ч. наст. вр.) «чувствую»; словин. *čīs* «слышать» (ЭССЯ 1977: 135).

Представленные лексикографические материалы свидетельствуют, что в большинстве западнославянских языков лексемы, родственные рус. *чутъ*, сочетают в своей семантике обозначение общей и конкретной перцепции, причем в каждом языке эта конкретная перцепция – своя. Так, нижнелужицкий глагол *cuś*, помимо обобщенного восприятия с помощью всех органов чувств, называет тактильные ощущения, верхнелужицкий *čuć* – обонятельные и вкусовые, чешское слово *čiti*, как и чешские диалектные *čouti*, *čut*, называет преимущественно слуховое восприятие действительности, хотя у литературной чешской лексемы отмечается и обонятельная перцепция. Есть среди западнославянских слов такие, которые служат обозначениями либо только общей перцептивной семантики (полаб. *caja*), либо только конкретной слуховой (слвц. *čut*, словин. *čīs*). Для польского же глагола *czuć* характерно особое значение, не собственно перцептивное: он может использоваться для именованья способности издавать запах («пахнуть»). В составе же словосочетания *czuć pismo nosem* «чутъ, чем пахнет» польское слово называет чувство обоняния (Новый польско-русский словарь 2004: 54).

Следует отметить, что для польской лексемы *czuć* в рамках основного значения «чувствовать, ощущать» даются примеры употребления *czuć pragnienie* «испытывать жажду» и *czuć swą siłę* «сознавать свою силу» (Новый польско-русский словарь 2004: 54), в которых польский глагол, кроме общей перцепции, на наш взгляд, имплицитно называет состояние (в первом словосочетании) и рациональное осмысление почувствованного (во втором).

Западнославянские соответствия рус. *чутъ* по большей части употребляются по отношению к человеку, только в чешском языке особо оговаривается использование его и по отношению к животному.

Формирование переносного значения отмечается в чешском языке у глагола *čiti*, который наряду с чистой перцептивной семантикой имеет значение «предчувствовать» (Копецкий 1976: 101), связанное с так называемым шестым чувством – интуицией, способностью

человека предугадывать, предполагать развитие событий на основе информации, полученной от органов чувств. В других западных славянских языках не отмечается в явной форме переносная семантика, можно лишь предполагать возможность ее выявления, например, в польском словаре фиксируется словосочетание *czuć mores przed kimś* «считаться с кем-либо; побаиваться кого-либо, трепетать перед кем-либо» (Новый польско-русский словарь 2004: 54), которое скорее передает эмоциональное состояние человека, чем чувственные ощущения. Кроме того, есть сочетание *nie czuć nog (ze zmęczenia)* «ног под собой не чувствовать (от усталости)», которое называет состояние уставшего человека. Подобные этому словосочетания имеются и в восточнославянских языках. (Ср. упомянутые выше словосочетания из польского языка, где также можно говорить об имплицитном переносном значении).

Таким образом, этимологические соответствия русскому *чуять* из западнославянских языков в семантическом плане отчасти близки слову из русского языка: они являются перцептивными глаголами, большинство из которых сочетают обозначение общей и различных конкретных перцепций, хотя есть такие, что называют только общее или только конкретное восприятие. Вместе с тем западнославянские лексемы практически не формируют переносные значения (во всяком случае, судя по лексикографическим источникам, они не формулируются в эксплицитной форме).

Современные южнославянские имеют следующие соответствия русскому глаголу *чуять*: болг. *чуя* «1) услышать; 2) услышать, узнать по слухам; 3) послушаться» (Бернштейн 1986: 718); макед. *чуе* «услышать, слышать» (Македонско-русский словарь онлайн); серб.-хорв. *чу̀ти, чу̀јати* «1) слышать, услышать; 2) стать известным» (Толстой 1957: 1071; Бошковић 2007: 1460–1461); словен. *čúti* «слышать; бодрствовать, бдеть, не спать» (Котник 1967: 35).

Материалы, представленные в лексикографических источниках, показывают, что лексемы, соответствующие рус. *чуять*, служат в современных южнославянских языках для обозначения конкретной слуховой перцепции, их значения формулируются как «слышать», «слушать» или «услышать». Это отличает южнославянские параллели от восточно- и западнославянских, где представлена семантика, связанная не только с каким-то конкретным чувственным ощущением, но и называющая общую способность живых существ воспринимать окружающее с помощью органов чувств.

Есть и еще одно отличие: в южнославянских языках формируется переносная семантика, которая не отмечается в других славянских языках. Так, у словенского глагола *uŕti*, кроме слуховой семантики, имеется переносное значение «бодрствовать, бдеть, не спать», которое, на наш взгляд, сформировалось на основе общей перцепции, так как предполагает использование органов чувств, ведь здоровый человек, не находясь в состоянии сна, должен видеть, слышать, обонять, он способен ощущать вкус и воспринимать на ощупь предметы, т. е. он бодрствует и во время бодрствования работают все органы чувств.

В основе переносного значения сербо-хорватского глагола *чути* «стать известным» также лежит перцепция, только конкретная, слуховая, ведь чтобы чему-то или кому-то стать известным, нужно об этом услышать. На слуховом восприятии основана и переносная семантика болгарского слова *чуя*. В значении «услышать, узнать по слухам» сочетается чувственное и познавательное, так как процесс узнавания происходит через услышанное. А лексико-семантический вариант болг. *чуя* «послушаться» подразумевает, как нам представляется, что, после того как человек услышал какие-то слова, пожелания, советы другого человека, он осмыслил их и принял, послушался (сделал так, как ему советовали).

В словарях южнославянских языков нет никаких указаний на то, по отношению к человеку или к животному используются рассмотренные слова, однако можно предположить по формулировке значений, что они употребляются в отношении человека (особенно переносные значения).

Таким образом, южнославянские соответствия русскому *чуять* дают несколько иную картину семантического наполнения: их основное значение связано с обозначением только конкретной перцепции – слуховой. Переносная семантика развивается на основе перцептивной, развитие идет в сторону обозначения физического состояния человека (состояние бодрствования, состояние без сна), а также в сторону именованного процесса познания, происходящего посредством осознания, освоения услышанного (т. е. складывается рациональная семантика).

Таким образом, во всех современных славянских языках имеются соответствия русскому глаголу *чуять*, при этом их основное назначение – именовать общую или конкретную перцепцию. Однако соотношение перцептивной семантики может быть различно.

Так, в восточнославянских языках в семантике соответствующих слов сочетается обозначение общего и конкретного чувственного восприятия (в современном русском языке – это преимущественно обоняние, может быть слух, в украинском и белорусском языках – слух, может быть обоняние и вкус). У западнославянских лексем по большей части на первом месте именование общей способности живых существ воспринимать окружающую действительность с помощью различных органов чувств (в польском языке, лужицких языках, чешском языке), в то же время они могут служить названиями различных конкретных перцепций: обонятельной (чешский, верхне-лужицкий, польский), слуховой (чешский, словацкий), тактильной (нижне-лужицкий), вкусовой (верхне-лужицкий). Для южнославянских глаголов характерно именование слухового восприятия мира, т. е. название конкретной перцепции.

Важно отметить, что чаще всего семантика рассмотренных в славянских языках слов связана с обозначением слухового или обонятельного восприятия действительности (на третьем месте – вкусовое). Зрительная перцепция практически не актуализируется в лексическом значении проанализированных слов (ср. в русских диалектах). Употребляются представленные славянские перцептивные глаголы, чаще всего называя чувственные ощущения человека, хотя могут именовать и чувственное восприятие животных. В переносных же значениях данные слова используются в отношении человека.

Практически во всех славянских языках у соответствий русскому *чувать* (как и у русского слова) на основе перцептивной семантики формируются различные переносные значения, которые могут быть связаны 1) либо с именованием рационального осмысления прочувствованного ранее (как в русском языке, отчасти в болгарском и сербо-хорватском); 2) либо с обозначением шестого чувства – интуиции, которая также основана на чувственном восприятии мира (как в русском и чешском языках, отчасти в украинском и белорусском); 3) либо с названием состояния человека, физического или эмоционального (во многих славянских языках).

На основе сопоставления рассмотренных славянских лексем реконструируется праславянская форма *čuti со значением «чувствовать, замечать, узнавать» (ЭССЯ 1977: 134). Формулировка такого общего значения связана, как нам представляется, с тем, что оно вбирает в себя весь спектр перцептивной и рациональной

семантики, который представлен в славянских отражениях данной праславянской формы. Семантическое развитие славянских рефлексов указанного праславянского архетипа отражает, на наш взгляд, постепенное расчленение синкретичной семантики. В славянских языках-потомках семантическая эволюция шла от обобщенного обозначения перцепции к преимущественному обозначению какой-либо конкретной перцепции, а затем к формированию переносных значений.

ЛИТЕРАТУРА

Белорусско-русский словарь 1962 - Белорусско-русский словарь / Под ред. К.К. Крапивы. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1962.

Бернштейн 1986 - *Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1986.

Бошковић 2007 - *Бошковић Р.* Руско-српски, српско-руски речник. Београд: Јасен, 2007.

Даль 1998 - *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра, 1998. Т. 4.

Копецкий 1976 - Чешско-русский словарь: В 2 т. / Под ред. Л.В. Копецкого, Й. Филипца, О. Лешки. Москва: Рус. яз.; Прага: Гос. пед. изд-во, 1976.

Котник 1967 - *Котник Д.* Янко. Словенско-русский словарь. Любляна: Гос. изд-во Словении, 1967.

Кузнецов 2000 - Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

Македонско-русский словарь онлайн - Македонско-русский словарь онлайн. URL: <http://www.etranslator.ro/ru/makedonskii-russkii-online-slovar.php> (дата обращения: 25.06.2015).

Мука 1921 - *Мука Э.* Словарь нижнелужицкого языка. Петроград, 1921. Т. 1. URL: <http://www.knigafund.ru/books/78166/read#page100> (дата обращения: 25.06.2015).

Новый польско-русский словарь 2004 - *Стыпула Р.* Новый польско-русский словарь. М.: Рус. яз. – Медиа, 2004.

САР 1794–1798 - Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. СПб.: Изд-во Академии наук, 1794–1798. Т. 6.

Словарь русских говоров Карелии 2005 - Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. / Гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. Вып. 6.

Словарь русских говоров Сибири 2006 - Словарь русских говоров Сибири / Сост. Т.А. Голикова, Е.В. Панкратова, А.И. Фёдоров; Под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 5.

Словарь русского языка 1984 - Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1984. Т. 4.

Словарь современного русского литературного языка 1965 - Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 17.

Словацко-русский словарь 1965 - Карманный словацко-русский словарь / Сост. Д. Коллар и др. М.: Сов. энциклопедия, 1965.

Срезневский 2003 - *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М.: Знак, 2003. Т. 3.

Толстой 1957 - *Толстой И.И.* Сербо-хорватско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957.

Украинско-русский словарь 1971 - Украинско-русский словарь / Под ред. В.С. Ильина. Киев: Наукова думка, 1971.

Ушаков 1940 - Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000. Т. 4.

ЭССЯ 1977 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Наука, 1977. Вып. 4.

REFERENCES

Krapiva, K.K. (1962) *Belorussko-russkiy slovar'* [The Belarus-Russian dictionary]. Moscow: Inostrannye i natsional'nye slovari.

Bernstein, S.B. (1986) *Bolgarsko-russkiy slovar'* [The Bulgarian-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

Boshkoviћ, R. (2007) *Rusko-srpski, srpsko-ruski rechnik* [The Russian-Serbian, Serbian-Russian Dictionary]. Beograd: Jasen.

Daļ, V.I. (1998) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language]. Vol. 4. Moscow: Terra.

Kopetskiy, L.V., Filiptsov, J. & Lyoshka, O. (eds) (1976) *Cheshsko-russkiy slovar': V 2 t.* [The Czech-Russian Dictionary: In 2 vols]. Moscow: Russkiy yazyk. Praga: State Pedagogical Publ.

Kotnik, D. (1967) *Slovensko-russkiy slovar'* [Slovene-Russian dictionary]. Ljublyana: Slovenia State Publ.

Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.

Online Translator. (n.d.) *Makedonsko-russkiy slovar' onlayn* [The Online Macedonian-Russian Dictionary]. [Online] Available from: <http://www.etranslator.ro/ru/makedonskii-russkii-online-slovar.php>. (Accessed: 25th June 2015).

Muka, E. (1921) *Slovar' nizhneluzhitskogo yazyka* [The Dictionary of the Lower Sorbian language]. Petrograd. [Online] Available from: <http://www.knigafund.ru/books/78166/read#page100>. (Accessed: 25th June 2015).

Stypula, R. (ed.) (2004) *Novyy pol'sko-russkiy slovar'* [New Polish-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk – Media.

Anon. (1794–1798) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, proizvodnym poryadkom raspolzhenyy* [The Dictionary of the Russian Academy]. Vol. 6. St. Petersburg: Academy of Sciences.

Gerd, A.S. (ed.) (2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey*: V 6 vyp. [The Dictionary of Russian dialects in Karelia and adjacent areas: In 6 vols]. Vol. 6. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Fedorov, A.I. (ed.) (2006) *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [The Dictionary of Russian dialects in Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Nauka.

Evgen'eva, A.P. (1984) *Slovar' russkogo yazyka*: V 4 t. [The Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.

Chernyshev, V.I. (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*: V 17 t. [The Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 17. Moscow; Leningrad: Nauka.

Kollar, D. et al. (eds) (1965) *Karmannyi slovatsko-russkiy slovar'* [A Handheld Slovak-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Sreznevskiy, I.I. (2003) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian language]. Vol. 3. Moscow: Znuk.

Tolstoy, I.I. (1957) *Serbo-khorvatsko-russkiy slovar'* [The Serbo-Croatian-Russian dictionary]. Moscow: State Publishing House of Foreign and National dictionaries.

Il'in, V.S. (ed.) (1971) *Ukrainsko-russkiy slovar'* [The Ukrainian-Russian Dictionary]. Kiev: Naukova dumka.

Ushakov, D.N. (ed.) (1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian language]. Vol. 4. Moscow: Astrel': AST.

Trubachev, O.N. (1974–2014). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: the Proto-Slavic lexical fund]. Issue 4. Moscow: Nauka.

Садыкова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Sadykova Irina – Ph.D. of Philology Assistant Professor at the Department of General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology of National Research Tomsk State University.

E-mail: pansadyk@rambler.ru